

С. Баруздин Коллективная печка

Зима в тот год выдалась такая суровая, какой в Подмоскowie давно никто не помнил. То дожди в декабре и даже в январе, а тут прихватил мороз, как в Якутии: день — за тридцать, и второй — под тридцать, и опять — за тридцать. Морозы, конечно.

Если бы не собака, с которой хочешь не хочешь надо гулять, я бы и на улицу не вылезал в такие дни. На даче тепло — дрова, печка! А на улице — борода к усам примерзает...

Но что делать — приходится.

Гуляем мы с собакой реже обычного, она свои дела делает быстро-быстро, на меня смотрит — мерзну ли я? А сама тоже мерзнет. Лапы греет на ходу, облизывает, а потом скорей назад, и дома уже долго слизывает ледышки с подушечек ног — очень уж они ей неприятны!

На улице никого. Люди за воротами и то редко пробегают. Машины — реже. Кого в такой мороз да еще за городом на улицу выгонишь?

В одну из таких вынужденных прогулок с собакой послышалось мне на сосне или на ели, они рядом у нас растут, что-то живое. Кто-то вроде бы шевелился, голоса подавал, снег чуть-чуть стряхивал.

«Ясно, показалось, — решил я. — Какая тут живность по такому морозу. Воробья и то не увидишь».

Вернулись мы с собакой домой, она, как все эти дни, от ледышек на лапах освободилась, легла спать.

Ночью вдруг закричала собака, потом чуть заскулила, а когда я включил свет, тихо залаяла.

Что случилось?

Пришлось вставать. Собака вскочила и — в соседнюю комнату, уже с громким лаем.

Включил я свет и там, и вот чудо: на кресле в пуховом платке, который оставила жена перед отъездом в командировку, а я так и не убрал его, сидят, тесно прижавшись друг к дружке, три крохотные взъерошенные пичуги. Головки желтые, перышки подняты, а сами чуть больше спичечных коробков.

Глазки — круглые, испуганные. Как-никак собака рядом крутится.

В тот момент я не понял, что это за птицы, а только увидел, что открыта у нас форточка, в которую они влетели. Отогнал собаку, взял всех троих, похожих на малых птенцов, в руки, отогрел и оставил у себя до потепления.

Собака привыкла к ним. Я привык. Летали они по комнатам, как по улице, но держались все время вместе и спать ложились вместе, тесно прижавшись друг к дружке. В то самое кресло с пуховым платком, который жена оставила...

Отпустил я их, когда на улице чуть потеплело.

А потом уже, через несколько лет, узнал, что есть на свете такие птицы — корольки. Малые, но любые морозы переносящие. В холод скрываются они в ветках хвои елей или сосен, прижимаются друг к дружке, перышки встряхивают, и вот вам — коллективная печка! Один замерзнешь, а вместе, коллективно, не пропадешь!

Только в ту зиму, видно, мороз сильнее оказался!